ТИМОФЕЙ ШЕЛУХИН

ТОРОПИТСЯ СОЛНЦЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Над Костомыговкой диким безудержным наметом проносилось время. На глазах старели молодые костомыговцы, на глазах взрослели дети.

В каждом дворе много хлопот. Надо вовремя обработать надел земли, денно и нощно заботиться о худобине. Мыкается по степи-загону да своему широкому двору убогий на одну ногу Иван Машкин. Спохватывается спозаранку с сеновала, спешит к лошадям, ладит косилку. А когда наступает молотьба, без роздыха носится скрюченный от мешков по току. Вечеряет поздно, скликнув к столу семерых детей. С горечью отмечает про себя глава семейства, что долго (ох, как долго!) растет подмога. Самой старшей, Наташеньке, лишь девятый пошел. С тяжелым чувством идет он в половень отдыхать. Жаль Наташку брать в поле, но нет больше сил одному с женой ворочать хозяйство. В предрассветной тишине зовет дочку.

— Наташка! Слышь, Наташка! — Чего, папаня? — доносится в ответ заспанный хрипловатый голос девочки.

— На загон поедешь. Верховым погонычем будешь...

Все лето пробыла в степи Наташа. Вместе с отцом и матерью косили, вязали снопы, а затем свозили их к своему двору и складывали в одонки, с виду похожие на самые обычные высокие половни.

Пришла осень. Наташе в школу надо было идти. Но в школу она не пошла.

— Ты самая у нас старшая,— сказал отец.— Ты и есть моя первая подмога. За худобой надо глядеть.

Нет, не от родительских побоев, забившись в глухой угол двора, целый день плакала Наташа. От хлыста отца или матери так долго дети не плачут — вместе с болью и слезы проходят. А вот от щемящей тоски по проходившему мимо счастью дети обычно плачут долго и безутешно.

Плакала Наташа истошно и надрывно на своем семнадцатом году в поле возле плуга, когда прискакавший из дому отец велел немедленно возвращаться в станицу — сватать ее пришли. По родному дому, по родимой матушке, по так рано оборвавшейся молодости плакала девчонка-пахарь.

Всего лишь одну зиму, да и не всю зиму, а ее самую студеную середину выходила из ворот Машкиного двора девчонка на вечернее гулянье в белой овчинной шубке, отороченной серебристой смушкой, в цветистом платке. Всего лишь одну зиму. Другую не пришлось. Другую встречала в большой и холодной светлице Шеламова дома за ранними и жесткими обязанностями снохи.

* * *

Дочь — отрезанный ломоть для родной семьи. С выходом замуж быстро зарастают стежки, ведущие к родительскому двору. С этой поры утверждается другая фамилия, другие нравы и порядки. Муж Алексей не неволил, во всем помогал молодой жене.

Пришло время, и на свет появились дети. Первыми были сыновья, и лишь четвертой оказалась дочь. Многодетная семья — признак мира н согласия между родителями. Внимание и чуткость друг к другу, общие житейские заботы пробудили взаимное чувство, которое было трогательным и нежным. Оно, это скупое в казачьих семьях чувство, замечалось и в обоюдной, крепнущей с каждым днем ласке к детям, и в мужнином страхе, когда он, как малое дитя, ругал Наталью за то, что она в домашней суете хваталась за тяжести.

— Наталья, чтоб такого больше не видел! — Алексей вырывал из ее рук ухват с чугуном-ведерником и уже сам закатывал его в самый дальний угол печи.

Доброй переменой в крестьянской жизни была коллективизация. Одними из первых вступили в колхоз молодые Шеламовы. Постепенно привыкали к новому укладу. Артельное хозяйство крепло, да страшный недород подкосил силы. Не обошла беда в ту тяжкую годину и семью Шеламовых. Одного за другим снесли на погост всех своих сыновей. А годом позднее сошел в могилу и активист колхозного строя бригадир Алексей Шеламов.

В мученической скорби переживала тяжкую утрату Наталья и надломилась, а может, и совсем заглохла бы ее жизнь, если бы не товарищи по артельному труду. Наведывался в ее хату и Гавриил Иванович Ряполов, председатель колхоза. В раздумчивом разговоре просидел он на лавке у Шеламовых до позднего вечера.

* * *

Над Залесенкой раньше раннего загорается веселым светом зарница. А солнце своим первым лучом заглядывает в окна хаты Натальи Ивановны. Не потому ли, что хата ее на самом краю станицы расположилась? Или потому, что в той самой хате живет крестьянка-колхозница с самой беспокойной на Залесенке душой?

И звезды, и солнце извечно торопятся к человеку-труженику. Наталья Ивановна бесшумно поднимается с постели, какое-то мгновение глядит на черный переплет оконной рамы, засвеченный большой звездой. «Время на свиноферму, зарничка уж поднялась. Скоро и солнышко покажется»,— думает она. Подходит к кроватке, где, разметавшись, досматривает детские сны Марийка. Поправляет одеяло и потом уже торопится к двери.

— Спи, доченька. Зарюй, моя кровинушка! — ласково говорит Наталья Ивановна, выходит на маленький двор и спускается вниз по едва приметной среди зарослей лебеды дорожке.

Это ее стежка, проторенная через лужайку. Ходила она по ней и в росный июнь, и в морозный январь много лет. Потом дорожка от хаты с одной весны повернула в другую сторону — на молочнотоварную ферму.

Пятнадцать лет проходила Наталья Ивановна на ферму. Лучше и опытнее доярки не было в колхозе. А хлопот у доярок тогда было много. Они и на сенокос поспевали, и ремонтом коровников занимались. Наталья Ивановна в свою бытность дояркой прослыла мастерицей по кладке стогов. Как начинается сенокосная пора, так заведующий одно и то же говорит:

— Ну, Иваниха, твое дело скирдовать. Ох, и ловка ты вывершивать!

Любила Наталья Ивановна в короткий сумеречный час посидеть вместе с дочкой на завалинке, поговорить с ней и даже вполголоса спеть. На завалинке отходили от усталости руки, теплело на душе. Й всего больше от Марийкиных бесконечных расспросов. Дочка много спрашивала о далеких краях и странах, которые и для нее и для матери были непонятными и таинственными.

— Вот бы в город поехать,— говорит Марийка.

— Поедем обязательно. Получим аванс, обязательно съездим,— отвечает мать.— В это лето урожай хороший выдался. К тому же недоимка с колхоза снята.

Марийку озадачивает непонятное слово «недоимка».

— А вот «недомку» в школе мы не изучали.

— И не нужна она вам,— тихо смеется Наталья Ивановна.— При вашей жизни такого слова не будет.

Мать вдруг задумывается. Вспоминает свое детство. Она никогда не была школьницей. И оттого, что ее дочь говорит о школе, о своей учебе, ей, матери, и горестно и радостно.

Часто сидела мать с дочуркой-школьницей на завалинке, а холодной порой — в хате, возле жарко растопленной печи. И все о чем-то говорили. Но пришло такое время, что все реже и реже оставалась по вечерам дома Марийка. Больше за околицу норовила пойти, к станичному клубу. Наталья Ивановна даже оробела при

мысли о том, что пришла и Марийкина пора...

* * *

В зеленые шапки рядятся ранним апрелем курганы, в зеленые плащи одеваются косогоры Залесенки, а по ним блудят первые гусиные выводки. Первой травкой лакомятся пернатые. Им-то ее вдоволь, да скоту нету пользы от такой еще маломерковой травы. Ревет скот в эту пору, рвется из стойла на пастьбу.

— Как там теперь на ферме? — вздыхает Наталья Ивановна.

В дверь хаты постучали. Вошел учетчик фермы, пожилой с исковерканной рукой мужчина.

— Проходи, Трофимыч. Гостем будешь,— захлопотала в комнате Наталья Ивановна.

— Спасибо. Только просьба к тебе, Иваниха, будет одна. И как о ней говорить? — Мещеряков потянулся здоровой рукой к спинке старого стула.

— Смелее говори о своей просьбе,— глянула на учетчика Наталья Ивановна.

— На ферму тебя просим снова.

— Дояркой?

— Да нет. Работа полегче, но зато хлопотнее. Телятницу нам надо опытную. Чтоб пополнение готовить настоящее,— учетчик помедлил, потом продолжал, потирая озябшую больную руку.— Ты, Иваниха, пойми нас правильно. Мы к тебе с просьбой. По-добровольному...

Наталья Ивановна молчала. В неожиданном визите учетчика фермы, в его просьбе вдруг почувствовала, что она в свои годы — такой работник, которого и подменить вроде некем. Глянула на Мещерякова, на его озабоченное лицо. В ее глазах светилась доброта.

— Ладно, Трофимыч.

В седьмой раз с того памятного вечера приходил апрель и обновлял шапки залесенских курганов. А Наталья Ивановна словно в одной поре находится — продолжает трудиться на ферме.

Дивились колхозники и правленцы опыту и мастерству телятницы Натальи Ивановны Шеламовой, ее доброй и отзывчивой душе. Однажды заполнили в правлении колхоза и направили в Москву особые бумаги. И пришло из столицы известие о том, что Наталья Ивановна награждается большой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

...В теплые солнечные дни, когда Наталья Ивановна выпасает телят в оврагах, что неподалеку от ее нового жилья, к ней прибегает шестилетний внучек Витя. Вооружившись прутиком, Витя бегает среди кустов, озорует. Наталья Ивановна любит эти дни, напоенные извечной молодостью и непокоем жизни.